

Олег Лебедев

Нефритовый голубь

Олег Лебедев

Нефритовый голубь

«Издательские решения»

Лебедев О.

Нефритовый голубь / О. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740835-0

Москва накануне первой мировой войны... Именно здесь, в воссозданной автором с почти фотографической точностью обстановке той жизни, разворачивается действие произведения. Зверски убит полковник Михаил Подгорнов. Расследование дела ведет полиция. Свои версии произошедшего появляются и у брата жены убитого Петра Феллера, молодого русского немца, человека умного, педантичного, немного занудливого. Читателя не оставят равнодушным зигзаги сюжета, язык произведения — своего рода стиль ретро.

ISBN 978-5-44-740835-0

© Лебедев О.

© Издательские решения

Нефритовый голубь

Олег Лебедев

Я – коренной москвич. Вырос в коммуналке старого дома на Садовой Кудринской. Возможно, в этом здании более чем где-либо ощущалось дыхание Москвы прежней – удивительного города начала прошлого века. Возникшее благодаря «малой родине» и, конечно же, старшим родственникам тяготение к былому нашей столицы не смогли заглушить ни учеба в двух институтах (авиационном и литературном), ни занятия наукой, ни даже суматошная журналистика. Это живущее в сердце тяготение, пожалуй, и предопределило время, в котором разворачивается действие «Нефритового голубя».

Это произведение я посвящаю маме, Нине Ивановне Никольской, своему самому большому другу, без чьего тепла ни появилось бы ни одной строчки «Нефритового голубя».

© Олег Лебедев, 2024

ISBN 978-5-4474-0835-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Только сейчас, ранней весной 1944 года, спустя почти 30 лет после трагедии, я, Петр Людвигович Феллер, решил предать гласности все обстоятельства убийства моего зятя – полковника Михаила Александровича Подгорнова.

Почему не сделал этого прежде? Вплоть до недавних пор я не располагал полными сведениями о том деле. Теперь же, когда пролился свет на старую тайну, просто не имею права далее скрывать правду. Тем более что являюсь единственным человеком, способным донести истину до родственников, и, в первую очередь, до младших племянников, мои отношения с которыми в силу определенных причин были долгое время омрачены.

Пусть ознакомятся с этими записями. Так будет лучше, ибо долгих личных объяснений я не приемлю.

Скорее всего, их прочтут и мои дочери, сын. Нику, Ане и Лене все это будет не менее интересно, чем племянникам. К тому же, пролистав мои заметки, написанные хорошим, правильным стилем, дочери, смею надеяться, немного улучшат свой русский.

А то помню, в июле 41-го Аня послала письмо в «Новое русское слово», а те сдуру его полностью напечатали, навсегда опозорив меня, уважаемого человека, члена Общества ветеранов Великой – речь, разумеется, идет о первой мировой – войны. Вы представить не можете, какие перлы она выдала в том, неплохом по сути дела письме:

«Прошу извинить мою русскую грамматику и все мои грамматические ошибки. Я приехав (ничего себе словечко – «приехав») в Америку ребенком, так что моя маленькая наука по русски была дана мне отцом (хотя бы этого не указывала, бестолочь!). Мне тоже не нравится кое-что в советском правительстве, но в это печальное время мы, русские люди, дети русских родителей, – мы должны, все до одного стоять за Россию. Мне так жалко русских людей, мне лучше умереть, чем видеть Русь забранной (когда, интересно знать, она слышала, чтобы я так говорил?), и наш народ угнетенным немцами, которые будут его называть «русская собака».

Я, конечно, по происхождению немец. Но я не какой-нибудь тупоголовый шваб, а природный русский немец, и дам пощечину каждому, кто скажет, что я не люблю свою настоящую

Отечество, и не пытался привить дочерям любовь к ней, и, конечно же, научить их родному русскому языку. К сожалению, горячего отклика на свое стремление не встретил. Вот так-то.

Сейчас я специально не включаю электричество в своем кабинете, порчу зрение, пишу в сумерках, потому что не хочу, чтобы Аня и Лена узнали, что я уже вернулся из кинотеатра «Плей-хауз» на 6-й авеню, где нынче почти непрерывно показывают советские фильмы. Я сегодня был там, но посмотрел только «Чапаева» и поспешил домой, делать то, что сейчас делаю. Только бы дочери меня не потревожили.

Аня и Лена... Они без меня ни минуты обойтись не могут. Я все, разумеется, понимаю, но и мне, право слово, следует иногда побыть одному. А так обычно две барышни постоянно забегают в кабинет, Ленка непременно заводит речь о новом платье к Дню независимости, а Аня, та обязательно, начинает приставать: «Папа, когда мы отправимся на ферму к дяде Джеку?»

Не маленькая, между прочим. Туда нетрудно добраться самостоятельно, ведь путь не Бог весть какой сложный: железной дорогой всего-то около часа ехать до Кингстона, а затем на бусе прокатиться прямо до Ассорда, где и находится ферма Жени Котова. Не путешествие, а одно удовольствие.

Сын и старший племянник призваны в армию Соединенных Штатов. Через несколько дней отплываю в Ливерпуль и я. Нашим частям в Англии требуются люди, не просто в совершенстве владеющие языками, но являющиеся бывалыми, опытными солдатами, способными вынести тяготы предстоящей кампании. А меня в Нью-Йорке сейчас ничего не удерживает. С тех пор как отошла к Господу моя жена, Мария, многое изменилось в трех меблированных комнатах с кухней, составляющих нашу скромную квартиру в районе Ист города Нью-Йорка.

Дочери – девицы вполне самостоятельные, учатся в колледжах, деньги им кое-какие оставляю. Вполне хватит, если, правда, особо роскошествовать не будут. Проявления транжирства, впрочем, маловероятны: я девчонок воспитывал правильно...

Вот только еще разок схожу с Женей, другими друзьями в «Русскую сказку» на 46-й улице – это, пожалуй, самый приличный наш ресторан здесь. Посидим, поедим по нашему, порусски, послушаем балалаечный оркестр Кости Полянского...

Затем можно и в путь. Чемодан – плащ, выходной костюм, две смены белья, три пары носков – в основном, собран. Осталось только кинуть туда галстук, который еще предстоит купить, иголки, побольше носовых платков (в Англии очень вероятны простудные заболевания), бритву, кусок мыла «Айвори» и прочую мелочевку.

Ой, запомнил, сейчас обязательно помечу для верности: купить калифорнийского чернослива. Фунта три, не меньше. Перемена обстановки может вызвать мучительный запор.

На Альбионе меня ждет должность гражданского переводчика с английского на немецкий и русский в штабе 5-й пехотной дивизии американской армии. Скоро на западе континента начнутся военные действия с наци. Бог весть, удастся ли мне выжить в грядущих жестоких батальных. Поэтому в моем распоряжении очень мало времени на то, чтобы написать правду об убийстве полковника Подгорнова.

Трудно, и одновременно легко вспоминать дни, когда все это случилось. Трудно, поскольку слишком много событий, наслаивающихся друг на друга, произошло с далекого лета 1914 года. Однако стоит только задержать взгляд на какой-нибудь вещи из тех, которых сохра-

нилось так немного, и которые самым своим существованием побуждают обратиться к прошлому, как страницы былого живыми картинами воскресают в памяти.

Мой письменный стол украшает массивная хрустальная чернильница. В ней – старинная нефритовая ручка. Ее конец венчает миниатюрный голубь из того же камня.

Ручка когда-то принадлежала Подгорнову. Вместе с другими вещами полковника она в 1910 году попала в наш московский дом из его родового имения. Вскоре после того, как Михаил Александрович обвенчался с моей сестрой Эльзой...

В квартире тихо. Я, как зачарованный, смотрю на нефритового голубя и... мысленно погружаюсь в прошлое.

В 1914 году я был крепким, уверенным в себе юношей. Пылкость чувств, унаследованная от папы, делового, но вместе с тем несколько романтического уроженца Саксонии, наилучшим образом уравновешивалась здравым смыслом, коим в полной мере наградила меня мама, чьи родители приехали в Россию из Восточной Пруссии.

Я успешно окончил не только курсы бухгалтерии Либиенталя, но и Московский коммерческий институт, а потому, смею уверить, был ценным сотрудником моему крестному Иоганну Карловичу Бауме в рекламном отделе еженедельного журнала, принадлежавшего этому почтенному, добропорядочному человеку. На работе – а контора наша размещалась на Мясницкой, этом маленьком московском Сити – все складывалось отменно. Не мог я пожаловаться и на невнимание дамы сердца – милой Мари Котовой.

Жизнь, причем в значительной степени, омрачали нелады сестры Эльзы, горячо мною любимой, с ее мужем Михаилом Александровичем. Неприязнь, которой я проникся к своему зятю, была по абсолютной величине сравнима с нежными чувствами, испытываемыми мною к Эльзе. Одним словом, ненавидел я полковника крепко. И было за что.

К тому времени восторги первых лет брака, когда моя сестра была без памяти от обожавшего ее мужественного офицера, исчезли. Место любви заняло тягостное осознание ошибочности своего выбора, усугубленное необходимостью продолжать совместную жизнь.

У Эльзы с Михаилом Александровичем уже появилось двое детей, и полковник наотрез отказывался даже помыслить о том, чтобы чада воспитывались в неполной семье. В отличие от своего супруга моя сестра как раз хотела такого, вполне счастливого по общему нашему мнению поворота событий, но Подгорнов развода ей не давал. Между тем их супружество давно уже приносило Эльзе поистине адские муки.

Сам по себе муж ее был неплохим человеком, но потрясения двух войн на Дальнем Востоке, в которых он участвовал, не могли не наложить отпечатка на его характер. Если в первые годы после свадьбы полковнику еще как-то удавалось сдерживать себя, то впоследствии его стало приводить в бешенство одно только сказанное наперекор слово. Буйный нрав его усугублялся болезненной ревностью.

Дело доходило до того, что Подгорнов разрешал Эльзе выходить из дома либо в своем обществе, либо с кем-нибудь из близких родственников. Значит, со мной, или нашими родителями, Людвигом Францевичем и Кристиной Христофоровной Феллерами, которым, собственно, и принадлежал дом, где полковник небезуспешно стремился навести свои порядки.

Что ж, папа и мама уже были людьми преклонного возраста, а значит, беспомощными, как и почти все старики. Сил противостоять полковнику они в себе не находили. К тому же дела отца, долгие годы занимавшегося поставкой в Россию швейных машинок Зингера, пришли в некоторое расстройство из-за активности французских фирм, соперничавших с германскими. В силу этого Подгорнов оказался, по существу, единственным источником благосостояния всей семьи.

Меня он вовсе не воспринимал всерьез. Под тяжелым взглядом этого высокого, здорового мужчины с породистыми, жесткими чертами лица, я, признаюсь, ощущал себя шуплым двадцатитрехлетним юнцом с некрасивым веснушчатым лицом. Несмотря на то, что в общении со всеми другими людьми я чувствовал себя равным среди равных.

Эльза, таким образом, находилась целиком и полностью во власти мужа, что было очень печально не только для нашего семейства, но и для Иоганна Карловича, который, являясь нашим крестным, не чаял души в Эльзе и во мне, баловал сызмальства, словно родных чад.

Существовал, надо сказать, еще один человек, донельзя расстроенный тяжелым положением сестры – Игорь Велтистов, мой хороший, с гимназической поры друг. Будучи на несколько лет младше Эльзы, он, всегда, даже когда мы еще учились в мужской гимназии Ростовцева на углу Садовой и Тверской, питал к моей сестре самые страстные чувства. Она, в свою очередь, неизменно относилась к Игорю с нежностью, воспринимая его, однако, лишь как симпатичного юношу – одноклассника брата.

Не пробудили в ней ответного чувства все оказываемые Игорем знаки внимания – от исполненного любовью, жаждущего отклика взгляда, до бриллиантового кольца из магазина драгоценных принадлежностей на Большой Димитровке. Оно, между прочим, стоило две тысячи рублей, что было дороговато даже для Велтистова – единственного наследника богатой дворянской семьи, осевшей в Москве после пожара 1812 года и считавшейся по праву исконной в городе.

Надо ли говорить, с какой болью воспринял Игорь известие о том, что Эльза согласилась стать женой Подгорнова. Я тщетно пытался убедить его оставить помыслы о моей сестре: со временем тяготение Игоря к ней только росло.

Он очень переживал, видя как безысходно страдает Эльза, как нередко наполняют ее глаза слезы от нанесенных супругом обид, однако не решался открыто выступить против полковника, резонно опасаясь, что тот, и без того с трудом переносивший присутствие Игоря, вовсе откажет ему от дома.

Последние месяцы мой друг пребывал в крайне угнетенном состоянии. Нередко захакивал в один подвальчик на улице Живодерка. Вынужден сказать правду: там он курил опиум. Впрочем, тогда, в России, на это смотрели несравненно более снисходительно, чем нынче в Америке.

В тот субботний день я встал ни свет ни заря. Сначала немного гимнастики, затем умылся, почистил зубы «Калодонтом», – лучшей пастой летнего сезона 1914 года, – освежил отдохнувшее за ночь тело духами «Лиля-Флери», побрился безопасной бритвой «Уrania».

Прислуга еще спала, и я, не желая тревожить ее, тихо прошел на кухню, где самостоятельно разогрел себе голландское какао на плите, которую подарил мне один из постоянных клиентов нашего рекламного отдела – В. И. Седых, владелец сушевого завода, производившего как эти самые плиты, так и множество иных металлических изделий. Лучше бы, однако, Седых не делал этого: в работе новая плита оказалась значительно хуже прежней.

Из-за нее пришлось отказаться от глазуни: я не мог позволить себе не явиться вовремя на Александровский вокзал, где непременно должен был встретиться с крестным и Женей Котовым, братом моей обожаемой Мари, инженером машиностроительного завода братьев Бромлей, большим любителем охоты и технического прогресса. С утра пораньше мы собирались отправиться на утиную охоту.

Выпив едва теплое какао, я, схватил 6-ти миллиметровую винтовку «Рекс», предназначенную для отстрела птиц и некрупного зверя, коробку с патронами, и выскочил из своего дома на Большой Садовой. Быстренько добежал до трамвайной остановки – как чудно, что трамвай

начинают ходить уже в 5 часов утра! – и, проехав на кольцевом «Б» до Красных Ворот, пешком добрался до похожего на большой средневековый терем здания вокзала, возле которого приобрел утренний выпуск «Русских ведомостей» – скоротать время в дороге.

Котова я увидел издалека. Он, облаченный в кожаный, блестящий серебряной отделкой охотничий костюм, подждал меня на перроне. На голове этого могучего телосложением и интеллектом сына великой Среднерусской равнины красовалась баварская шляпа, украшенная длинным черным пером. Мощная экипировка, богатырская фигура, суровое полное лицо с усами как у легендарного князя Святослава – все в облике Жени выражало непреклонную решимость зрелого в мастерстве своем охотника, идущего на грандиозное дело. Приезжающие на городские рынки крестьяне и крестьянки из подмосковных сел и деревень старательно обходили моего друга.

Вскоре подошел и Иоганн Карлович. Одетый в светлый летний костюм, он был похож, скорее, на дачника, нежели на охотника. Откровенно говоря, крестного не особенно привлекали экзотические для городского человека прелести путешествия с винтовкой в руках по поросшим буйной растительностью окрестностям водоемов. Просто ему хотелось немножечко отдохнуть от своей большой семьи в обществе приятных ему молодых людей. Неудивительно, что сухощавое, морщинистое лицо крестного светилось радостью. Даже его неизменное пенсне весело поблескивало, отражая игривые лучики восходящего солнца.

Ах, как же все это свежо в памяти! Москва, лето, Александровский вокзал...

Дружески беседуя, мы чуть-чуть постояли на перроне, надеясь, что подоспеет Игорь, который вчера пообещал присоединиться к нам, но его, увы, не было. Наверное, опять потащился в опиукурильню на Живодерку и там забыл обо всем на свете. Делать нечего, рассудили мы, трое одного не ждут.

Когда сели в поезд, общий разговор как-то незаметно угас. Крестный задремал. Котов принялся самозабвенно штудировать новый выпуск «Рыболовного спорта»: он был не только заядлым охотником, но и рыболовом. Я же развернул «Русские ведомости».

Пробежал длинную статью о вооруженном столкновении Соединенных Штатов с Мексикой – какой далекой казалась тогда эта тема! Тщательно изучил фотографию соблазнительной Исидоры Дункан, вольготно расположившейся на испанском пляже. В разделе «Смесь» узнал о том, каковы запасы воды на земном шаре, а также подивился поступку одной доброй (чуть было не написал человеколюбивой!) женщины из Сиама, которая кормила грудью молодого слона, потерявшего мать вскоре после рождения.

Да, это был обычный воскресный выпуск русской газеты той поры. Как мне не хватает тех газет сейчас... В них не было злости. Не печатали тогда и отвратительные комиксы «про Тарзана», коими переполнены здесь, в США, даже наши, русские издания.

Подумать только, отдаешь честно заработанные деньги, разворачиваешь газету, а там – 235-я серия этой мерзости!

Правда, как и в нынешних газетах, в довоенной прессе присутствовала рубрика «Происшествия» – самая, что греха таить, привлекательная для читателей всех времен и народов. Ну, а если говорить серьезно, то в 1914 году Москва уже не была столь спокойным городом, как прежде, и «Происшествия», к сожалению, занимали добрую часть газетных полос.

В этом номере, впрочем, внимания заслуживала лишь одна заметка:

«С некоторых пор в городе нашем стали находить трупы убитых людей с характерными ранами. У всех этих жертв выколот каким-то острым предметом один глаз, а скончались они, видимо, оттого, что орудие преступника, пронзив глаз, проходило до мозга. Таким образом уже убиты двое рабочих, адвокат и священник. Убийца же по сей день остается неулов-

мым. Полиция наша, кажется, занимается только ловлей революционных агитаторов, а для поимки таинственного потрошителя у нее сил не находится. Когда же он, наконец, будет арестован?»

Меня, признаюсь, немало встревожила эта статейка. Я почему-то сразу подумал про Игоря. Бедняга... Он, частенько возвращавшийся домой поздней ночью, да еще и находившийся под действием наркотика, объективно имел большие шансы стать жертвой неизвестного маньяка, нежели обыватели, ведущие здоровый образ жизни. Да и без этого потрошителя, Живодерка всегда, сколько себя помню, являлась одним из самых бандитских мест в нашем городе.

Через несколько минут я прекратил переживать за Игоря: мы вышли из поезда, а дивные картины развернувшейся перед нами летней, очаровательной своей первозданной дикостью природы клязьминской поймы были слишком хороши, чтобы я мог позволить себе размышлять о чем-либо мрачном. До речной заводи, куда нас вел Женя, и где, по его словам, водилось множество уток, предстояло пройти от станции пару километров пешком.

Солнце уже грело довольно сильно, несмотря на раннее время. По дороге к реке мы, вынужденные тащить винтовки, длинные сапоги, запас провизии, изрядно утомились. Поэтому предложение Иоганна Карловича организовать перед началом охоты небольшой ланч нашло единодушную поддержку ее участников.

Мы вольготно расположились на травке, и крестный, улыбаясь в свои аккуратно подкрученные усы, извлек из охотничьей сумки пару бутылочек довольно-таки крепкого виноградного вина знаменитого в ту пору бекетовского завода. Старый худой немец в момент сей похода на змея-искусителя. Кто бы, глядя на него, разливающего вино в маленькие охотничьи стаканчики, и напевающего вполголоса не вполне пристойные куплеты, мог вообразить, что это тот самый человек, который чуть ли ни в каждом номере своего авторитетного журнала помещает обширные статьи, где ратует за «сухой закон»!

Вот вам, господа, верное доказательство того, что природа человеческая являет собой труднопостижимую для рационального осмысления субстанцию...

Мы расправились с бутылками, французским сладким печеньем, швейцарским горьким шоколадом, которые предусмотрительно прихватил Котов, и после этого почувствовали себя здорово уставшими. Оттого и решили немного отдохнуть, набраться сил для грядущей забавы. Так и продремали почти до полудня. Когда же проснулись в знойной дневной жаре, то стрелять в уток уже расхотелось, да и я торопил спутников возвращаться в Москву. У меня, кроме охоты, имелись и другие дела, намеченные на тот день.

Возле станции Котов как-то незаметно отстал от нас. Мы собирались было пропустить поезд, когда он снова возник в поле зрения. В руке держал двух убитых уток:

– Купил у мужика, здесь, возле станции, – пояснил Женя, глядя куда-то в сторону. Затем он взял с нас слово чести не говорить никому о том, каким путем птицы попали в охотничьи сумки. Мы с Иоганном Карловичем любезно дали слово товарищу.

В самом деле, не могли же мы, опытные охотники придти домой с пустыми руками! Мужское самолюбие, в конце концов, чего-нибудь да стоит.

На вокзале мы с Женей распрощались с крестным: Иоганн Карлович отправился в редакцию, чтобы поработать в тишине выходного с рукописями. Дел в журнале накопилось немало, а дома крестный чувствовал себя далеко не всегда уютно.

Являясь человеком по природе своей замкнутым, он был обременен многочисленной семьей, члены которой просто не давали ему остаться наедине с собой. Поэтому иногда Иоганн Карлович предпочитал даже ночевать в конторе. Так, как я догадывался, он намеревался поступить и на сей раз.

Мы же пошли к Котовым: я непременно хотел видеть Мари сегодня. По пути заглянули в недорогую, но приличную чайную, находившуюся на Охотном ряду, где выпили по кружечке бодрящего солодового кваса: после экспедиции на природу у обоих возникло сильное тяготение к этому освежающему напитку.

А затем отправились в Замоскворечье, где в гостеприимном купеческом доме Котовых нас ждали душистый цейлонский чай с пирогами и радушные хозяйки – мать и дочь, которые не могли скрыть своего искреннего восхищения перед нашими добытыми на берегах Клязьмы трофеями.

Мари, правда, смею полагать, обрадовали не столько дохлые утки, сколько визит вашего покорного слуги. Вскоре ее мама Александра Павловна пошла распорядиться насчет дичи, а неизменно деликатный Женя, благожелательно подмигнув мне, отправился в сад чистить оружие.

Мы с Мари остались наедине. Поскольку среди читателей моей рукописи будут, в основном, люди юные, да еще и живущие в распутной Америке, где даже молодежь из некогда строгих протестантских семей постоянно занимается на вечеринках петтингом, я должен сразу расставить точки над «i». Единственное, что мы позволили себе, так это сесть рядышком на диван и взяться за руки. Счастливые мгновения...

Ах, жаль, время порой летит очень быстро!

К восьми часам вечера мне надо было вернуться домой. Неотложные семейные дела требовали присутствия. Я запечатлел на нежной бархатной щечке Мари жаркий поцелуй, заглянул на кухню, распрощался с Александрой Павловной, которая как раз строго отчитывала деревенскую девушку, служившую у Котовых, за какую-то вопиющую небрежность, и двинулся восвояси.

Проходя через сад, узрел Котова. Он безмятежно спал, развалившись на самом дорогом и удобном гамаке из тех, которые продавались тогда в Москве. Гамак тот был сделан из белой кокосовой веревки и сплетен таким образом, что не имел неудобных для ищущего расслабления человеческого тела узлов. Искренне позавидовав милому другу, я поспешил в свой безрадостный из-за тирании зятя дом.

Постоянные ссоры с мужем, его бесконечные придирки, частые, вспыхивающие неожиданно-негаданно скандалы дурно сказались на нервах моей сестры. Эльза курила больше обычного, рассеянно бродила по комнатам, напевая вполголоса мелодии Брамса. В разных уголках дома мы обнаруживали оставленные ею пустые коробки из-под папирос «Осман». Она плохо спала, самые незначительные неприятности становились для нее причинами глубокого расстройства.

Целых два месяца Эльза по моему совету пила санатоген Бауэра. Средство это рекламировалось в нашем журнале, и если верить отзывам людей, принимавших его (которые мы также публиковали), «являлось лучшим для укрепления как нервов, так и всего организма». Я специально ходил за флакончиком снадобья в Кривоколенный переулок, где находился склад фирмы, и где можно было быть уверенным, что покупаешь настоящий, а не поддельный бауэровский санатоген.

Кстати, вы заметили, как точно и полно я описываю товары, коими пользовались мы в 1914 году? Позанимайтесь рекламой столько, сколько я: не только через 30 лет, но и через все 50 будете помнить качества той или иной вещи из тех, с которыми приходилось когда-то иметь дело по долгу службы. Впрочем, как раз особенности рекламного дела вовсе и не требуется объяснять молодым русским, живущим в Америке.

Но я все-таки счел нужным вставить данную ремарку на тот случай, если когда-нибудь – чем черт не шутит! – моя рукопись будет издана в СССР, где люди вовсе не знают, что представляет собой работа в рекламном деле, что такое реклама вообще. Они, например, ведавать не ведают, что иногда реклама может обманывать, а я всегда учитывал такую возможность. И санатоген Бауэра только подтвердил лишний раз мои оправданные опасения. Препарат несколько не улучшил самочувствие моей сестры, да и настроение ей не поднял.

Приняв с трогательной кротостью эту печальную реальность, Эльза обратилась к другим способам поправки здоровья. После семейного совета, состоявшегося несколько дней тому назад, было решено отправить ее на прием к доктору индусской философии и египетских тайных наук, могущественному целителю болезней души и тела пророку Али Магомедду.

– Наверняка Магомедд поможет нашей девочке, – надеялся папа.

– Пускай посмотрит Эльзу, тем более что он и берет не так много, – резонно заметила мама.

– Пророк этот наверняка шарлатан. Но если вы все так уповаете на него... Что ж, я не против, – высказался последним Подгорнов.

Али Магомедд... Никто не знал, что он за человек, откуда прибыл в Россию, но очень многие москвичи почему-то фанатически верили в его способность избавить людей от всевозможных недугов. Желающих попасть к Али было хоть отбавляй, в его приемной постоянно толпился народ. Но я, благодаря личным связям с секретарем пророка, дававшим объявление о чудодейственных способностях Али в нашем журнале, устроил все так, что моей сестре не пришлось долго ждать приема.

На днях мы с Эльзой посетили вторую контору пророка, которая находилась во Вспольном переулке и предназначалась для обслуживания людей очень и очень состоятельных. О ее существовании подавляющее большинство клиентов просто не знало. За исключением, конечно, богачей и тех, у кого не было много денег, но сложились особо доверительные отношения с секретарем Али.

Там я и записал сестру на прием.

В тот день нам предстоял визит к пророку. Время он назначил довольно позднее – 8 часов вечера.

Я, по своей природе человек скептического склада, не очень уповал на могущество «целителя», но радовался одному: хотя бы вытащу Эльзу из дома, где ей так тяжело, избавлю ее на пару часов от общения с мужем. К сожалению, мои надежды на то, что сестра сможет немного развеяться, не оправдались. За ужином Михаил Александрович объявил о решении сопровождать жену к Али Магомедду:

– Я, пожалуй, пойду с вами. Посмотрю, что это за пророк такой, на которого моя супруга тратит мои деньги, – сказал полковник.

В назначенный час мы трое уже были в просторной, без окон комнате, освещенной неяркими желтыми светильниками и украшенной пушистыми восточными коврами, лежащими на полу и закрывающими стены. Здесь пророк принимал страждущих его помощи.

Выглядел Али Магомед, можно сказать, величественно: высокий, одетый в дорогой персидский халат с изображенными на нем яркими экзотическими цветами, на голове – здоровенная белоснежная чалма, на которой был укреплен крупный ослепительно сверкающий бриллиант. Лицо пророка, казалось, состояло только из огромной, тщательно расчесанной черной бороды, крючковатого носа с вывернутыми ноздрями и больших, слегка выпученных карих глаз, чей пронзительный взор самой природой своей призван был пробуждать отчаянный страх у простых смертных.

На меня, однако, Али не произвел сильного впечатления. Я обратил внимание на то, что азиатские туфли его, вышитые золотом и серебром, происхождением явно из кустарных мастерских одного из наших постоянных рекламодателей – оборотистого казанского промышленника Абдулакадира Сегадиева. А разве настоящий восточный маг, выходец с таинственного Тибета, коим напыщенно именовал себя Али, станет покупать туфли, изготовленные в стране временного пребывания?

«Нет, – трезво рассудил я, – у подлинного мага или, допустим, пророка все должно быть оттуда, с высокогорного Тибета, или, на худой конец, из далекой, экзотической Индии».

Поразмыслив немного, я пришел к грустному для перспектив улучшения здоровья сестры выводу: Али был аферистом. Причем, скорее всего, не самого высокого пошиба.

Эти выводы не поколебала и картина, которая открылась мне, когда Али Магомедд, извинившись, ненадолго отлучился в одну из задних комнат. Дверь он за собой как следует не закрыл.

Заглянув в довольно широкий проем, я увидел стопки старинных книг на столах, банки с жидкостями разных цветов, ржавые бидоны, причудливого вида электрические горелки. И еще в той комнате стояла огромная, даже больше русской, печь.

«Видимо, этот аферист не привык еще к нашему холодному климату, а о своем бесценном организме здорово печется, вот и воздвиг для его согрева такую громадину», – решил я.

Заключения, сделанные о пророке, признаюсь, не особенно расстроили меня. Наблюдая за сестрой, которая с благоговением созерцала соизволившего вернуться в наше общество Али Магомедда, я лишней раз мысленно согласился с тем, что лучше уповать на пройдоху, нежели вовсе утратить надежду. А именно в таком донельзя упадническом состоянии и пребывала Эльза длительное время.

Али Магомедд читал нараспев своим трубным голосом заклинания на непонятном нам языке, иногда громко стонал, закатывал глаза, делал плавные красивые жесты руками. Потом затаил, принялся водить ладонями над головой Эльзы. Периодически отступал от нее шага на два, опускал руки, шумно дышал несколько минут. Затем снова принимался за дело.

Процедура продолжалась довольно долго. Михаил Александрович, сидевший рядом со мной на низенькой восточной скамеечке, начал недовольно ерзать. В силу нервного склада своего склада он просто не мог оставаться в бездействии в течение мало-мальски продолжительного срока.

Наконец, пророк дал Эльзе выпить какой-то зловонной жидкости из большой, разрисованной золотыми драконами пиалы и низко, в пояс, поклонился ей, давая понять, что лечение окончено.

– Отныне вы, госпожа Подгорнова, будете чувствовать себя намного лучше, – слегка растягивая слова, произнес он. Затем самодовольно фыркнул, алчно облизнулся и продолжил: – Считаю, что вам следует еще несколько раз прийти ко мне. Тогда я окончательно уничтожу ваши недуги, госпожа.

После этих слов Али Магомедд снова церемонно поклонился, уже всем нам троим, явно намекая на то, что пора прощаться. Михаил Александрович, однако, значения этого жеста то ли не понял из-за своей нечуткости, то ли просто пренебрег деликатно выраженным предложением пророка.

– Петя, голубчик, отправляйся-ка с Эльзой домой, а я задержусь, поговорю с этим... врачом. Пусть поведает мне, чем болеет моя жена, чего нам всем ждать, – властно распорядился он.

– Стоит ли вам слышать, как называются недуги, само произнесение имен которых способно пробудить дремлющие по сей день зловещие силы? – справился Али. И важно предложил полковнику: – Доверьтесь полностью моим чарам, уповайте на них, как уповали древние египтяне на широкий разлив Нила, и тогда супруга ваша поправится.

Подгорнов, кажется, смекнул, что пророк пытается уйти от намечающейся беседы:

– Если я желаю знать, что происходит с моей женой, то, будьте покойны, настою на своем, – отрезал он. – Тем более, я плачу вам деньги, – поставил он точку в непродолжительном споре.

Пророк казался крайне раздраженным, ноздри ястребиного носа его заходили ходуном, глаза гневно засверкали. Но Али сдержал себя, в третий раз склонился предо мной и Эльзой, а Михаилу Александровичу плавным движением руки показал в сторону той самой комнаты, где находились все причиндалы его ремесла, где стояла громадная печка.

– Следуйте за мной, и я прочту вам описания недуга вашей жены, данные в древних ассирийских манускриптах, – нехотя пророкотал Али Магомедд.

Итак, к нашей общей с Эльзой радости, Михаил Александрович остался слушать нудные своей непонятностью выдержки из восточных манускриптов. Благодаря чему его жена ненадолго избавилась от дражайшего супруга.

Когда мы покинули дом Али Магомедда, было еще светло. Наступила очень хорошая для большого города пора, когда постепенно сходит на нет поток авто, экипажей, когда улицы понемногу пустеют и в чистой тишине подступающих сумерек в полной мере раскрывается красота древних строений, теряющаяся в дневной суматохе.

Мне всегда нравились такие вечера. А сегодня было приятно и оттого, что я, украдкой посматривая на Эльзу, с удовлетворением отмечал: после сеанса она выглядит значительно лучше, чем прежде. Во взоре сестры появилась та искорка, которая совсем было потухла в бесконечной череде тяжелых дней жизни с самодуром-супругом. Мне стало радостно за Эльзу.

Мы медленно шли по московским переулкам по направлению к Садовой. Изящные особняки, выкрашенные в белый, розовый, голубой цвета, купались в мягкости летней зелени. Нежные, уже совсем нежаркие лучи солнца придавали городу особый, совершенно неповторимый уют. Как же хорошо смотрелась моя сестра в своем новом платье из золотисто-желтого бархата, поверх которого была накинута бледно-зеленая туника, отделанная серебряной тесьмой. Бесспорно, все это очень шло Эльзе.

Я всегда гордился сестрой. Внешне мы были похожи: очень светлая кожа, каштановые волосы, почти одинаковый зеленоватый цвет глаз, сразу видно, что брат и сестра, не ошибься. Но волосы Эльзы – гуще и красивее моих, глаза более выразительные, чем у вашего покорного слуги, да и сложена она была удивительно гармонично, в то время как я, всегда стеснялся своих долговязости, сутулости, излишне длинных рук.

Признаюсь, иногда мне даже казалось, что люблю сестру чуть-чуть сильнее, чем подобает брату...

Это, впрочем, уже слишком личная тема, каковой не стоит касаться в заметках, предназначенных для посторонних глаз.

На следующий день, когда семья собралась в гостиной на завтрак, Михаил Александрович к столу не вышел. Горничная сказала, что вообще не видела его сегодня. Никто из нас, помню, не придал этому значения. Мы полагали, что, скорее всего, полковник уехал спозаранку в свое подмосковное имение, не желая проводить воскресенье в компании жены и ее родственников, что было, в принципе, вполне объяснимо.

Как говорится, баба с возу, коню легче. Вздохнув с облегчением, что дочь на сегодня будет освобождена от необходимости лицедреть своего супруга, родители наши отправились смотреть экспозицию балтийской выставки, недавно открывшейся в городе. Им очень хотелось полюбоваться скандинавскими скульптурами в павильоне искусств.

Эльза занялась детьми. Я же ждал китайца Фун-Ли, хозяина прачечной, находившейся неподалеку. В 10 часов утра он обещал принести мои сорочки и воротнички.

Незаметно я углубился в чтение «Русского слова». Даже вздрогнул, когда из настенных швейцарских часов выскочила кукушка. И тут же кто-то постучал в дверь:

– Можно мне зайти?

Разумеется, это был отменно пунктуальный Фун-Ли. Позавчера я, перестраховываясь, строго-настрого наказал ему, чтобы доставил белье не позже назначенного срока. Ведь сегодня тратить время попусту я просто не мог: был Иванов день, и значит, предстояла большая подготовка к ночи, на которую московские немцы по древней традиции устраивали шумный праздник в Сокольниках.

Надо сказать, что Фун-Ли был не только замечательным прачечником, но и приятным, доброжелательным собеседником. А лучшего, более восприимчивого и деликатного слушателя, чем этот неопределенного возраста полноватый китаец, неизменно одетый в потертый синий халат и маленькую черную шапочку – и как только она удерживается на голове! – трудно было даже вообразить. Единственным недостатком Фун-Ли являлось то, что он не только умел чутко внимать чужим речам, но и любил поболтать сам. Впрочем, суждения его были всегда забавны, а порой и небезынтересны.

Сын Поднебесной обслуживал наш дом довольно давно, около двух лет. Как правило, он сам забирал и приносил белье. И лишь изредка, когда отлучался из города по каким-то своим китайским делам, о сути которых я не имел ни малейшего представления, присылал помощников. Причем, всякий раз после возвращения спрашивался, остались ли «господа» довольны работой.

Все мы привыкли к этому китайцу, воспринимая его почти как дальнего, хотя и малополезного родственника. Он оказался даже посвященным во многие семейные дела. Был Фун-Ли осведомлен и о визите к Али Магомедду:

– Как госпожа Эльза, как сестра ваша чувствует себя теперь? – поинтересовался китаец, сразу после того как почтительно вручил мне безукоризненно чистые, прекрасно выглаженные сорочки.

Я поведал о вчерашних событиях, отметив особо, что сеанс вроде бы пошел на пользу Эльзе. Фун-Ли вздохнул с облегчением:

– Как хорошо, хорошо... А то я боялся, когда услышал, что ваша сестра пойдет к Али. Он – восточный человек, поэтому с ним надо быть очень-очень настороже.

Не скрою того обстоятельства, что свою персону к «восточным людям» Фун-Ли не относил. Он уже долгое время жил в Европе. Сначала обрелся где-то во Франции, затем осел в России. Причислявший себя в силу географии обитания к истинным европейцам, китаец

с брезгливым презрением отторгал все, что происхождением своим имело край, где восходит солнце. Был склонен пофилософствовать на эту тему. И теперь он оседлал любимого конька:

– Восточные люди они такие... Дикие, коварные, белому их не понять. Вот албанцы. Кто самые восточные из европейцев? Они – албанцы. Они же и самые дикие. Вчера – кстати я вас не задерживаю? – прочитал о них в «Московских ведомостях» такое, о чем очень хочется вам сообщить. Можно?

– Нет. Да, пожалуйста, – ответил я одной репликой как на поставленные словоохотливым прачечником вопросы, так и на его ищущий внимания взгляд.

– Значит так. Оказывается у них – это я об албанцах – до сих пор есть кровная месть. Выше даже религиозных запретов они ее ставят. На всех родственников распространяют кровную месть, представляете?

Фун-Ли развел руками, ухмыльнулся, демонстрируя свое снисхождение к «диким албанцам». Потом, выдержав паузу, продолжил повествование:

– В Северной Албании, где люди еще чуть-чуть образованные, от этого обычая потихоньку избавляются. Там от мести можно откупиться. Плати 3 тысячи динаров, и тебя не убьют. А в Южной Албании – там сильно плохо, там ни за какие деньги нельзя откупиться! – прачечник с негодованием покачал головой. – В одной деревне, прочитал вчера, из двух враждебных семей, состоявших из 51 человека, в живых из-за кровной мести осталась одна восьмилетняя девочка. Вот вам Восток! Вот она – кровная месть! – воскликнул китаец с негодованием, затем вдруг мечтательно посмотрел на меня:

– То ли дело Европа. Там-то ничего подобного нет и быть не может. Цивилизация... – китаец слегка, но в то же время крайне почтительно наклонил голову. – Ничего еще и Америка. Я на днях такое интересное про нее узнал...

– Извини, Фун-Ли, но мне надо идти по делам, – прервал я болтливую китаяца.

Однако, не желая обижать его, крайне чувствительного, как и все сыны Поднебесной империи к любому проявлению недостаточной обходительности, произнес слегка заискивающим тоном:

– То, что ты мне рассказал про Албанию, весьма любопытно. А об Америке давай, если не возражаешь, побеседуем в следующий раз. Согласен?

– Конечно, конечно, – затараторил, широко и часто улыбаясь, Фун-Ли. – Я больше не буду вас задерживать. Мне просто очень приятно обсуждать с вами, таким умным молодым человеком, важные проблемы. А сейчас я уже оставляю вас, – он низко поклонился и мелкими быстрыми шажками проследовал из комнаты.

Спустя несколько секунд дверь приоткрылась. Прачечник опять заглянул ко мне:

– Господин Феллер, не забывайте о том, что Фун-Ли, бедный китаец, обладающий самыми незначительными способностями, всегда к вашим услугам.

Этакая ненавязчивость... Я приветливо помахал ему рукой, стараясь держаться непринужденно, не демонстрировать особо свою досаду. Право слово, как же он заболтал меня! В другой день я бы, наверное, отнесся к этому совершенно спокойно. Терпеливо слушал бы его когда угодно, но только не сегодня – перед Ивановой ночью.

Иванова ночь...

В далекие годы моей юности это была совершенно особая для каждого московского немца ночь, и день перед ней был тоже не похож на другие.

С раннего утра мы все, от важного фабриканта Бесселя, в чьих глазах читалась непоколебимая уверенность в завтрашнем дне, и до последнего пьянчужки сапожника Хидбауэра с обвисшими от осознания безысходности бытия усами, буквально сходили с ума. Напрочь

забывали про жен, дочерей, сестер, про всех женщин. Мы все, и даже самые почтенные среди нас, с детским энтузиазмом бегали по лавкам Охотного ряда, закупаая пиво, колбасы, карнавальные наряды, фейерверки, бенгальские огни.

И уже вечером, в Сокольниках, начинался праздник – самый веселый из веселых, самый пьяный из пьяных, самый немецкий из немецких.

Это было торжество во имя его величества Бахуса, которое, как гласит заслуживающее безусловного доверия предание, установили сотни лет назад еще первые обитатели Немецкой слободы. На праздник истари допускаются только немцы. И что самое приятное: там запрещено появляться женщинам! Настоящее веселье возможно лишь в мужском обществе.

Гуляние началось с шествия торжественной, многолюдной (немцев в городе было около 18 тысяч) процессии к столам с угощением. Уже к полуночи я, скажу откровенно, чувствовал себя далеко не лучшим образом. Слегка кружилась голова, в глазах рябило от света ярких факелов, с которыми носились герольды, рыцари, эльфы – все те, кто завтра утром снова превратятся в добропорядочных московских обывателей. В ушах звучали разрозненные фразы немецких песен. Похоже было даже, что исполнял их не я, а кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.